

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор трех книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

В ЦЕНТРЕ ВСЕЙ ЭТОЙ НЕОПИСУЕМОЙ ФИГНИ

Рассказ

Сразу говорю: это – моя версия, а если вам важны факты, то рекомендую обратиться в архив полицейского управления и поскорее, пока наши революционеры не запустили туда красного петуха. Так это, кажется, называлось в былые времена больших социальных потрясений.

Значит, первое, что мы узнали, это то, что менты убили черного отца четырех детей. Опять двадцать пять! Он, значит, поехал купить ужин в закусочную «Джимми», и там на стоянке они его и прикончили. Долбаные расисты. Это если в самых общих чертах, но потом в картине начали проявляться интересные детали.

Выяснилось, что в ожидании заказа отец заснул за рулем, и те водители, которые стояли в очереди за ним, начали сигналить, чтобы он проехал. Тогда девица в раздаточном окне, замучившись будить его своим электрическим звонком, вызвала ментов. Еще одна нервноболезная мать-одиночка на минимальной зарплате, откуда они только берутся?!

Минуты не прошло, как подлетела ментовская дискотека. Двое хлопцев вылезли из нее, поправляя пояса, осмотрелись. Один небольшого росточка, крепко сбитый, бритоголовый. Второй – повыше, с рыжими ирландскими кудряшками. Ага, вот он. Отгоните машину вот сюда и выйдите, пожалуйста. Первым делом – тестирование на алкоголь. Отец, значит, подышал в их адскую машинку, и пока та переваривала полученную информацию, они еще успели мирно побеседовать. Парень рассказал, что у дочери завтра день рождения и он планирует повезти ее в настоящий салон красоты, прическа, мани-педи и все такое. Очень трогательно. Наконец машинка пискнула и сообщила, что задержанный крепко перебрамши. Беда, приятель, придется ехать в участок. Да я в порядке. Ну, кто спорит, только закон есть закон, ручки давай за спинку и не вздыхай. Сказав это, бритоголовый снял с пояса наручники, и только собрался использовать их по назначению, как завертелось.

Отец именинницы, крепкий парень, разбросал ментов без особых даже усилий. Но те вцепились в него как два клеща и начали шарашить своими тэйзерами. Это ему, видимо, только добавило энергии, простите за каламбур, и он, удачно вломив бритоголовому коленом под дых, отобрал тэйзер и рванул наутек.

Бритоголовый, разогнувшись и видя, что подозреваемый быстро-быстро от него удаляется, рванул за ним, а тот, прямо на бегу, повернулся и запустил в преследователя один заряд, может быть даже уже последний, потому что батарейка в тэйзере не вечная. У

бритоголового перед глазами хлопнуло и вспыхнуло – коротко и страшно – и тогда он выдернул из кобуры свой табельный «Глок». Он не собирался никого убивать, он просто на секунду-другую перестал соображать, в смысле – помнил только, что должен остановить оказавшего сопротивление при аресте, да еще и отобравшего у него его тэйзер, и остановил его. Ну, вот, теперь еще яснее.

Бритоголовый перевел дыхание, заправил вылезшую из брюк рубашку. Подтянул ставший легким пояс. Пистолет еще в руке. Вложил в холдер. Инцидент был исчерпан. Угроза его ментовской жизни испарилась без остатка в вечернем воздухе Джорджии. Какое название-то – Джорджа. Джорджа он май майнд, – помните?

Фонари и звезды светили сквозь пальмовые опахала вокруг парковки, какие-то люди бежали к ним от закуской, кричали что-то. Отец именинницы поднял руку и положил себе на живот, что-то он еще пытался сказать, губы его шевелились. Бритоголовый встал на колени перед раненым и стал спасать его. После двух-трех коротких надавливаний на грудь изо рта у того показался кровавый пузырь, вырос и лопнул, брызнув на руку. Ирландец тем временем вызвал скорую.

Но было поздно. Отец именинницы стал ее покойным отцом. Намаявшаяся душа его поторопилась переместиться в более мирные пространства, пока никто не воспрепятствовал ее порыву. Она уже не видела суеты вокруг опостылевшей ей оболочки в джинсах и клетчатой рубашонке, ее уже не интересовало, куда везут все эти никчемные останки под дикие завывания скорой и патрульной машин.

На следующий день, ближе к вечеру, у закуской собралась передовая молодежь города, причем не все пришли с картонками с самым популярным теперь лозунгом из трех слов. Некоторые принесли стеклотару с бензином и, слово за слово – бананом по столу, не прошло и получаса, как закусочная полыхала, что твой костер сезона в летнем лагере бойскаутов.

Пресса, ясное дело, встала на сторону поджигателей. Еще бы! Убитому двадцать девять лет! Четверо детей остались сиротами. Вдове – кранты, потому что кому она уже нужна с этим табором? Ментов с потрясшей коллег скоростью уволили из рядов. Бритоголовому тут же вкатили умышленное убийство на расовой почве, долго думали, что пришить кудрявому, но в стремительно развернувшемся сюжете больше чем на свидетеля он не тянул. Отпустили.

Похороны жертвы насилия полицейских были, конечно, не такими пышными, как у мученика №1 из Миннеаполиса, но саркофаг тоже был золотой, плюс вдова появилась на телеэкранах страны в ослепительно белом шелковом платье с таким количеством рюшей и бантов, что напоминала свадебный торт. Лицо ее окаменело. Ни тени эмоции, ни слезинки, как если бы она стала памятником последней главе собственной жизни.

На этом список пострадавших не кончается. В первую очередь назовем мачеху бритоголового – Лизу, которую тут же катапультировали с работы в местном банке, где она «создала атмосферу невыносимого дискомфорта для сотрудников и руководства». Ну, это – да, это – понятно, какой комфорт, если ты восемь часов в день видишь перед собой лицо женщины, пасынку которой грозит пожизненное? И это не говоря о том, что она не сразу отвечает на обращенные к ней вопросы и неадекватно реагирует на планы руководства нанять на работу больше представителей меньшинств. Это вдруг стало совершенно необходимым для пропорционального представительства расового состава недопривилегированной общины, которой служит банк. Мне нравится это «служит»! Насколько я в этом деле разбираюсь, роли слуги и хозяина определяются их доходами.

Поэтому еще непонятно, кто тут кому служит. Но у нас же все так: больных выдают за здоровых, здоровых за больных, в общем... я снова отвлекся.

Да, так вот с учетом того, что эта община на девять десятых черная, а служащий ей банк на десять десятых белый, очевидно, что кому-то придется расстаться со своим местом. И эта Лиза нервничает, потому что ей совершенно непонятно, кто будет платить за адвоката для ее пасынка. Ее Тэрри. Обычно платит профсоюз, но с чего бы профсоюзу спасать своего уволенного члена? Обычное кончилось.

А он, между прочим, ей как родной. И если разобраться, то это из-за него она вышла замуж за его папашу, хорошего парня, но не из тех, кто позовет тебя в даль светлую, и ты пойдешь, зная, что с таким не пропадешь. Жили они через забор друг от друга. Лиза оканчивала финансовую школу и подрабатывала где могла, в основном присматривая за соседскими детьми, а ему как раз требовалась нянька для мальчика. Жена погибла в автоаварии, и он, тихий электромеханик из депо «Чаттуга и Чикамуга», растерялся. Тэрри тогда было четыре года, и он наотрез отказывался понять, что мама больше не придет домой. Он не хотел ни игрушек, ни телевизора, ни книжек, он только хотел стоять у калитки и ждать, когда она, наконец, вернется. И так год, и даже с обидой: «Она обещала!» Каждый день. И она, в смысле Лиза, тогда еще подумала, что это упрямство у него от покойной, потому что отец был характера податливого и жить с ним было несложно. Она даже как-то задумалась, что вот любви у них настоящей и не было, но покой в доме многого стоил.

В общем, проходит день-два, пресса не спит-копает, и к портрету новоявленного мученика снова начинают прибавляться интересные штрихи. Выясняется, например, почему он не дал надеть на себя наручники. Оказывается, отец именинницы боялся попасть за решетку, откуда его выпустили условно досрочно, чтобы он мог быть с семьей, а не прохлаждаться на тюремных харчах за счет добропорядочных налогоплательщиков. Да, а сел он, кстати, потому, что купил подержанный, но в отличном состоянии «Корвет», воспользовавшись кредитной карточкой своей жены Таниши. Той самой, которая потом смотрелась как свадебный торт. А когда она, узнав о неожиданном расходе, попыталась отменить платеж, он отобрал у нее телефон, но поскольку та не унималась, вырубил ее ударом в глаз и нос. Кулак у него был большой, но, к счастью, мягкий, поэтому с одного раза захватил оба выступа на любимом лице. Мера, конечно, была варварской, но необходимой, потому что когда его Таниша заводилась, то стоявший рядом с ней как бы оказывался в центре циклона. А он в тот именно момент хотел спокойно выйти из дому и проехать по знакомым местам на новом авто. Умопомрачительного оранжевого цвета с черным топком, черной сеткой радиатора и нижней подсветкой. Не авто, а какой-то тропический таракан, холера его забери! Плюс полтора киловатта звука, врубишь до половины – соседние машины подпрыгивают.

*дай жару, нигер, поддай мне огня!
самый большой, самый твердый – для меня,
нигер! Дай жару мне, дай мне огня!*

Дальше больше. Придя в себя, эта Таниша пошла к соседям и вызвала полицию от них. Даже на много повидавших ментов она произвела сильное впечатление – отек и щедрый макияж сделали ее похожей на картину художника Василия Кандинского «Черный и фиолетовый» 1923 года. И главное, в тот момент, не планируя более жить с новоявленным автомобилистом, она наговорила ментам столько, что прокуратура потом накрутила ему в общей сложности ровно на десятку. Тут тебе было и хулиганское

нападение, и причинение телесных повреждений, и имперсонация, и мошенничество с кредитной картой. Бесплатному адвокату ничего не оставалось, как посоветовать ему признать себя виновным по всем пунктам и получить три зоны плюс пять условно, потому что никаких других вариантов выйти из этой катавасии у него не было. И он, понуриив голову, согласился.

Пока он сидел, подруга завела нового хахаля и, перед тем как исчезнуть в неизвестном направлении, тот успел ей замастырить мальчонку. Ну, вы знаете, дурное дело – нехитрое. Войдя в свое собственное положение, Таниша повздыхала и пошла на свидание к законному мужу. Тот был, конечно, очень тронут таким проявлением верности – знаете, из-за решетки на многое начинаешь смотреть иначе. Вернувшись со свидания, Таниша сходила к местному пастору и под его диктовку написала письмо судье с просьбой освободить кормильца пораньше. И вот истосковавшиеся любовники снова вместе, стружат-стружат до седьмого пота нового детеныша, чтобы покрыть недоразумение с предыдущим, где три, там и четыре, сгорел забор – гори и хата!

Да, но свобода свободой, а в дом хоть какую-то копейку принести надо, по этому поводу даже письмо было написано, и чтобы слова не расходились с делом, мамаша возлюбленной супруги – ну, а кто еще! – пристраивает зятя мойщиком посуды в местный итальянский ресторан «Сардженто» с пиццей, пастой, скатертями в красную клеточку и двумя видами кьянти. Ничего, нормальное место. Но точно говорят, знал бы где упал, соломку постелил – эта Таниша со своей мамашей даже представить не могли, к чему приведет их благой порыв.

В «Сардженто» наш персонаж натывается на новый механизм развития данного сюжета – официантку Мэгги Уайт. Она относится к той породе теток, которые без мужиков сатанеют и начинают делать глупости. Мужик ей нужен как успокоительное. Никаких цветов, шоколадных конфет или ювелирных изделий ей не надо. Все что надо можно сделать на кухонном столе из нержавеющей стали, скрип которого ей заменяет и музыку, и признания в любви, и клятвы верности, и праздничный салют.

Да-а, вторую, как эта Мэгги Уайт, надо было еще поискать. Встанет со стола, поправит прическу и в зал, клиенты ждут. Разговоры у них были короткими. «Гуд бой, – говорит она подкрашивая губы у зеркала. – Сегодня тебе не было равных». Он ей: «А вчера?» «Вчера? – переспросит, растянет губы в улыбке, вытянет трубочкой, еще разочек мазнет помадой, приподнимет брови вопросительно. – Вчера? Вчера – не помню». Одернет передник и пошла.

Между прочим, это именно она была на том знаменитом фото с демонстраций, с накарябанным на куске картона лозунгом «Сосу только черным». И, ручаюсь, в этом не было никакой расовой подоплеки, она просто любила все большое. Такое вот редкое совпадение личного и общественного.

Роман их был прерван злобным вуханьским вирусом. «Сардженто», ясное дело, закрыли, но она нашла место в «Джимми», где клиентов можно было обслуживать, не вступая с ними в прямой контакт. Заказ делали по телефону, а потом подбирали его в окошке раздачи. Тогда многие труженики нашего общепита предпочитали сидеть по домам, поскольку пособие было выше зарплаты, но те, кто стал потихоньку озверевать от круглосуточной жизни в узком кругу родных и близких, вернулись на работу. Мэгги Уайт была в их числе. Надела резиновые перчатки, маску N95 и – где наша не пропадала!

Теперь, я думаю, вы поняли, за каким ужином приехал в «Джимми» отец именинницы, прости меня Господи, что я постоянно приплетаю к этой истории невинное

дителя, но как-то же мне надо обозначить эту трагическую фигуру, тем более имени его я не припомню – то ли Рейшон, то ли Латрелл, что-то африканское в общем. Хотя где та Африка и какое он к ней имеет отношение – даже не спрашивайте!

Короче, наш герой сначала посетил кухню «Джимми», где любовники справили свое неугомонное счастье, потом выпили пива, и Мэгги еще собрала милому дружку тормозок на дорогу – коробку жареной картошки с бургером. Но в машине он, придя в себя, подумал, что не может явиться домой с ужином на одного. Тогда он объехал «Джимми» кругом, занял место в очереди других автомашин, сделал по телефону заказ и в ожидании его, разморенный любовью и пивом, вздремнул.

Девушка на выдаче, конечно, его опознала. Она его видела, и неоднократно – застегивающим ширинку на выходе из кухни. И я не исключаю, что за ее звонком по номеру 911 могло стоять ее отношение к сотруднице. Она не очень сильно ее любила и именно за то, как просто та решала проблемы, которые она сама решить не могла по миллиону причин, не имеющих прямого отношения к теме нашего разговора. Короче говоря, она позвонила куда следует, приехали менты и случилось то, что случилось. Был человек и нет человека. Бабель.

Но это не все.

В ночь несчастья Мэгги Уайт, над жизнью которой нависла опасность еще одного карантина – я думаю вы поняли какого, начала терять над собой контроль, потому что, как я вам уже сообщал, без любви она превращалась в самосвал без тормозов, и пускать ее к клиентам становилось опасно. Этому состоянию предшествовала ночь отупения, в которое она погружалась медленно и бесповоротно, как в цементный раствор. К вечеру следующего дня она выбралась из него, отряхнулась и пошла на работу. «Джимми» был закрыт, а вокруг волновались протестующие. Слова кричалок доходили до нее как сквозь толщу воды: бэ-лэ-мэ... бэ-лэ-мэ...

Она взяла у какого-то бородатенького паренька несколько бутылок с бензином и, открыв дверь закуской своим ключом, вошла внутрь. Первое, что она сделала, это включила газ на всех плитах. Через минут пятнадцать рвануло так, что передняя стена закуской упала на участников митинга – искры, пламя, вопли, к счастью обошлось без серьезных травм и ожогов, что до мелких, то будет что показывать потомкам, если им только повезет появиться на свет в наши ядовитые времена. Ну, а нет, так будут показывать другу другу, вспоминая революционное прошлое.

Когда приехали пожарные, протестанты окружили машину и не пропускали их ни вперед ни назад, до тех пор пока тушить уже было нечего.

Вы будете смеяться, но в пожаре не погиб компьютер, стоявший в подвальном офисе менеджера. На нем сохранилась запись с видеокамер наружного наблюдения. Это позволило ментам уже на следующий день показать по телевизору фото Мэгги Уайт, прижимающей к груди бутылки с бензином, и объявить награду десять тысяч долларов за информацию, которая приведет к аресту арсонистки.

В числе увидевших репортаж был и ее папаша. Назовем его просто – Джо Шмо. Он работал автомехаником, и телевизор у них в цеху зудел целый день, сообщая попеременно о пожарах, погромах и ограблениях, короче, обо всем том, чем ты тут теперь живем. Ему все это не нравилось, и с недавнего времени он стал постоянно носить с собой разводной ключ, чтобы было чем проломить башку первому попавшемуся шахтеру, который попытается поставить его на колени. Когда он увидел на экране собственную дочь, его захлестнула волна такого бешенства, что дыхание перехватило.

– Долбаное дерьмо! – сказал Джо. – Я не верю своим глазам! Это же моя долбаная доченька!

– Долбаное дерьмо! – откликнулся эхом напарник Джо, назовем его Ник Штык, прерывая работу. – Это же твоя Мэгги!

Первым делом Джо позвонил жене – узнать, что происходит. Жена, Синди Шмо, в это время жарила себе стейк, поэтому ее голос едва долетал до Джо через треск масла и шипение мяса на сковороде. Хорошо еще, что он ее не видел, потому что кухня была переполнена дымом и можно было подумать, что в нее попала либо запущенная ментами дымовая шашка, либо запущенная в ментов праздничная петарда. Синди успешно боролась с дымом с помощью бурбона «Дикий индюк», который привносил свою долю разболтанности в ее южную речь. Джо, тем не менее, разобрал, что дочь звонила какому-то знакомому адвокату и тот посоветовал ей не ждать появления ментов дома, а добровольно сдать им в надежде на снисхождение. И вот, она, долбать меня-латать меня, ушла сдаваться! Ты можешь в это поверить?

Зная своих родственников, Джо мог поверить во все, но в контексте текущих событий эта новость привела его в такое возбуждение, что он ушел из мастерской, не сняв рабочего комбинезона и не попрощавшись с сотрудниками.

Вытерев руки ветошью, Ник вышел на улицу, вытряхнул из пачки «Мальборо» сигарету и взял ее губами. Его напарник Джо только мелькнул в конце квартала и исчез за углом. Ник сел на лавочку у входа в мастерскую, достал бронзовую «Зиппо», закурил и с удовольствием затянулся. Со стороны Нортсайд-драйва слышно было, как сигналият водители, словно соревнуясь – кто дольше и чаще. Над деревьями, скрывавшими трассу, поднимался черный клуб дыма.

– Твою мать, – сказал Ник на чистом русском языке. – В Чебоксарах такого даже в девяностых не было.

В то время как отец террористки направлялся домой, сжимая в кармане горячий от его руки разводной ключ, вдова отца именинницы сидела в парикмахерской, где из нее делали неземной красоты мученицу национального масштаба. Параллельно она смотрела телевизор, по которому очень кстати сообщили, кто и по какой причине поджег «Джимми».

Широколицая блондинка с короткой стрижкой – Мэгги Уайт пристально смотрела на нее с экрана большими голубыми глазами. Вдова окаменела, но за неподвижным фасадом закипела лава.

Выступления местных и заезжих лидеров общины, собравшихся в похоронном доме, она не слушала. Сидела как оглошшая. На кладбище она едва дождалась, когда гроб опустится под землю и яму прикроют ковром искусственной травы, холмом цветов и табличками с самым теперь популярным лозунгом из трех слов. Она считала минуты, когда все это кончится.

Когда уже дома она выбиралась из платья, как змея из отмершей кожи, по телевизору сообщили, что толпа, позавчера спалившая «Джимми», взяла штурмом полицейский участок, где провела ночь арестованная и, как теперь повелось, сожгла его до основания. Защитники этой опоры права и порядка едва успели погрузиться в эвакуировавший их с крыши вертолет. Прямо как в черно-белой сайгонской хронике семьдесят пятого года, клянусь!

Самодельные записи, теперь же у нас каждый владелец телефона – видеодокументалист, запечатлели новую народную героиню Мэгги Уайт с выброшенным вверх сжатым кулаком на фоне оранжевого зарева.

«Поджарим ментов, как драных скотов!» – скандирует стоящая вокруг нее толпа, и потом: «Готовь облигации – платить репарации!», и потом снова про драных скотов. Горячий воздух вибрирует от рева огня и тысяч глоток. Точно говорят: время выдвигает своих героев – вчера она простая официантка из «Джимми», а сегодня – ни много ни мало – сама Немезида!

Когда Таниша подъехала к дому семейства Уайт, толпа наших санкюлотов уже разошлась, оставив на лужайке перед ним пустые бутылки, несколько штакетин и самодельный синий щит, вырезанный из боковины мусорного бака. Она обошла дом, поднялась к задней двери – она была открыта – вошла. Из темной кухни шагнула в коридор. Дверь в одну из спален была приоткрыта, и она увидела спящего мужчину в синем рабочем комбинезоне. Это был Джо Шмо. Во сне он прижимал к груди верного друга семьи «Дикого индюка», который в очередной раз успешно примирил его с действительностью. За ним похрапывала его верная Синди Шмо. Таниша прошла дальше.

Мэгги Уайт устроилась на диване в гостиной спиной к ней и смотрела новости, ставшие, наконец, частью нашей реальной жизни. На экране снова что-то горело и дымило, головы в черных противогазах выныривали из серых завес и снова исчезали. И везде, везде, на стенах, на тротуарах, на картоне было это тошнотворное – бэлэмэ, бэлэмэ, бэлэмэ, как безостановочное бляение проснувшегося идиота. Что ты хочешь, несчастный? Несчастный хочет все, и он будет бляеть и громить, и зажигать, и убивать, пока не получит от своих перепуганных опекунов и лекарей искомое, и тогда, насытившись, упадет и заснет до следующего приступа. Но мы, мы еще долго будем помнить этот припадок, помнить и приходить в себя в каком-нибудь благополучном пригороде Парижа, что в графстве Беар-Лейк, штат Айдахо. Население 513 человек согласно переписи 2010 года, мормон на мормоне, и никому не придет в голову припоминать тебе, как твой предок гнал по диким степям его неприкаянного прадеда с многочисленным семейством, и ни дождь, ни метель, ни дикари не смогли остановить его. Потому что всё, что заботит твоего соседа, это не то, что позади, а то, что впереди. Как и меня, впрочем. Ну, вот, хоть здесь согласие.

Да, и вот – Париж. Выйдешь утром из дому, простор невероятный, зеленые леса кругом, горы, небо – бескрайнее, какая свобода, какая ясность, сколько здоровья во всем! Спасибо тебе, Господи, за это, спасибо, только успокой этих неугомонных, вразуми, открой им глаза на эту немислимую красоту.

Простите, опять занесло.

На столе перед Мэгги стояла початая шестерочка «Дос Экиса». Пробки она открывала металлическим перстнем с черепом, который носила на безымянном правой руки. Она, конечно, была измотана последними событиями: ожиданием допроса, бесконечным выяснениями того, не является ли она членом группы, неожиданным освобождением, маршем по ночным улицам, мучительным ожиданием разговора с отцом, который, к счастью, отрубился еще до ее возвращения домой.

Чизес! Почему он не может, в конце концов, оставить ее в покое? Почему в свои двадцать два она должна выслушивать его наставления, как ей жить? Идти в какой-то долбаный колледж, получать какую-то долбаную профессию, обзаводиться какой-то

долбаной семьей с вечно орущими долбаными детьми! Чего ради? Долбаное дерьмо всех святых, как она устала от всего этого дерьма!

Перестав следить за происходящим на экране, она вела мысленную перепалку с родителями. Переносить даже звучание их голосов она была не в состоянии, поэтому безостановочно прерывала их на полуслове и посылала подальше. Пошлет, сделает глоток, пошлет – глотнет, пошлет – откроет новую бутылку.

За диваном, на котором она устроилась, был узкий стол, где стояли семейные фотокарточки в рамках, фарфоровые часы в виде ворот в какое-то сказочное, видимо, пространство с другим, более щадящим его обитателей временем, ваза с квитанциями и оставленный Джо Шмо разводной ключ, который тут же оказался в руках Таниши.

Последующие события вы можете себе вообразить сами, скажу лишь, что Мэгги Уайт пришлось кремировать, так как восстановлению ее внешность не подлежала. И это при том, какие кудесники реструктивной пластики трудятся в нашей индустрии загробных дел!

Похорон не было. Родителям покойной вручили патрон из нержавеющей стали с ее прахом, и те увезли его домой, чтобы делать с ним и обломками своей незавидной жизни все, что им только заблагорассудится. Например, развеять пепел с какого-нибудь утеса над шумящим под ногами океаном и потом кинуться в него, чтобы только больше не знать этой тоски, этой бесконечной работы, этих безостановочных счетов, чтобы не думать о дочери, которой, как ты ни крути, предстояло пойти вслед за ними по тому же замкнутому кругу, как прикованной к колодезному вороту лошадке.

Искать убийцу никто не стал по причине других забот, вызванных вирусом, погромами, пожарами, разбоем и мирными демонстрациями протеста против жестокости полиции.

Забегая на месяц вперед, сообщу, что Таниша, получив два с лишком миллиона от скорбящих с ней доброхотов со всей страны, уехала с детьми к родителям на Ямайку. А вы бы не уехали? Дом в колониальном стиле с видом на карибскую бирюзу и безотказная прислуга, которая исполнит тридцать три твоих желания и придумает еще одно, чтобы только быть совершенно незаменимой. Плюс вероятность того, что когда-нибудь и в наших разодранных страхом и ненавистью краях воцарится покой, и тут же начнутся выяснения, кто и при каких обстоятельствах покинул этот мир в его минуты роковые, как сказал поэт. А ее нет. А на нет и суда нет, верно?

Теперь Лиза.

Она разъезжает по стране, выступая перед общественными группами вдов и детей полицейских, чтобы собрать средства на адвокатов. Ей нужны не просто адвокаты, ей нужны такие мастера, которые, как у нас это называется, расщепляют волос надвое. На них ее единственная надежда. Она, конечно, от этих хлопот сдала, постарела, но и похудела. На своей старой бухгалтерской работе она крепко раздалась, а по телевизору только и твердят, что излишний вес чуть ли не главный фактор, влияющий на ковидную смертность. Как говорится, не было счастья, так несчастье помогло.

Раз она стала перебирать старые вещи, которые вот так вот, бывает, держишь годами в надежде похудеть, и вдруг, нежданно-негаданно, оказывается, что похудела-таки. Нашла и любимое когда-то платье – ситцевое с рисунком мелких-премелких таких синих цветочков, так удивительно переплетающихся, что начнешь следить за узором, голова закружится.

Надела легко, подошла к зеркалу и увидела себя, еще похожую на себя в другие, лучшие, времена. Слезы обожгли глаза, и она прикрыла лицо ладонями. За что ей это все? Нет, серьезно, ну что она сделала, кого обидела? Она легла, свернувшись калачиком, поплакала еще чуть-чуть и задремала. Во сне она увидела своего Тэрри. Маленького, годиков пяти. Он обнял ее и сказал «мама», и она снова заплакала, потому что в жизни он называл ее только Лизой. Все помнил. И для нее это было лучшей благодарностью за все, через что она теперь проходила.

Да, чуть не забыл – отец Тэрри продолжает работать в депо, он там на хорошем счету, и начальство отнеслось к ситуации с пониманием. Хотя не исключено и то, что его просто заменить нечем, такое тоже бывает.

Сам Тэрри обретается на севере штата в районе Сассафраса, более точных координат получить нельзя, поскольку немало народу не пожалеет ни сил ни времени, чтобы найти его и рассчитаться по-своему. Места сказочные: леса, озера, водопады. Он живет в дачном поселке. Дом, принадлежащий родному брату Лизы, стоит у самой воды. С другими жильцами он почти не контактирует. Так, здрасьте-до-свидания и все. На ноге у него браслет, поэтому он не может отдаляться от дома больше чем на милю – как раз до магазина.

По утрам, он, бывает, рыбачит. Утром копнет мокрую от росы землю прямо у крыльца – червей сколько угодно. Лучше всего клюет у зарослей камыша, что в сотне ярдов от его причала. Снасть надо опускать под самый камыш в просвет между кувшинками. Обычно ловится басс или наши окуньки-санфишки. Раз совершенно неожиданно поймал щуку, которая обычно идет на блесну, но тут сдуру червя схватила. Щуку он не любит, мясо у нее горькое, думал выжарит ее на гриле, просолит, ничего не вышло. Не его рыба.

Когда только рассветает, розоватое небо отражается в неподвижной воде, образуя с ней единое как будто пространство. Прозрачные облачка зависли то ли над ним, то ли под ним. Все замирает, перестает дышать. Тишина такая, что уши закладывает. Он заводит руки за голову, прогнувшись, потягивается до хруста. Какая благодать, какая благодать! А цветы! Сколько цветов вокруг! Интересно, как называются вот эти желтые звездочки среди белых кувшинок? Или вот эти сиреневые ершики? Стрекозы, замерли на остриях камышей. Большие, с голубыми, красными, зелеными трубочками разбитых на равные секции хвостиков, с бугристыми шариками глаз, – как они называются? Бабочки, огромные черно-красно-белые, с бархатными крыльями, у них же тоже есть какое-то имя. И деревья! В обступивших его зеленых стенах он может назвать дубы или клены, а вот это с такими длинными и пахучими листиками, или вот то – осыпанное оранжевыми огоньками цветов, похожих на тюльпаны, это какие? Даже странно, что ему никогда не приходило в голову выяснить их названия. Ах, как было бы хорошо просто взять и раствориться во всей этой неописуемо прекрасной фигуре без названий, раствориться, как это делают индусы – мысленно, я имею в виду. Стать этой водой, этим воздухом, этими кронами деревьев, медленно движущимися в высоте облаками.

Он не верит в то, что его оправдают. Время такое, им нужна кровь. А он не хотел его убивать, он просто не мог отпустить его нетрезвого, да еще и со своим тэйзером. Ясно, парень не хотел опять за решетку. Он это сейчас понимает, как никто. Ему, менту, там, конечно, мало не покажется. Ну, пусть попробуют. Он никогда не боялся ни драки, ничего, всегда лез в самое пекло. Такой вот характер. Тот бывает на голову выше и фунтов на тридцать тяжелее, и прет-прет, зная, что ты сморгнешь первым. Кто, я сморгну

первым? Ну-ка, посмотри сюда – запрыгнул, захватил, повалил, придавил, надел наручники, все, теперь лежи тихо. Ну, кто сморгнул, а?

Иногда он думает о дочери именинника. Пытается представить себе – худенькая, кудрявая, в сиреновом таком сарафанчике, розовых шлепанцах. Улыбается. Хотела пойти в парикмахерскую, мани-педи, прическа, наверное не спала-ждала, как у детей это бывает, а пошла на похороны. Сердце его тяжелеет. Если бы только можно было, он бы взял ее и воспитал, как свою. И не в плане наказания, а просто потому, что у ребенка должен быть кто-то, кто защитит его, обнимет, объяснит, что хорошо – что плохо, что можно, а что нет. И он бы обнял ее и сказал что-то типа не бойся, я с тобой. Но кто даст? Боже, какая чушь в голову лезет. Он вздыхает, осматривается. От его движения лодка покачивается, оказываясь в центре растущего круга. Круг растет-растет, уходит в кувшинки, в камыши, растворяется на открытой воде, в небе.

В деревьях подают первые робкие голоса невидимые птицы, им осторожно, вкрадчиво как бы даже, отвечают цикады, еще минута-другая, и их голоса сольются в трескучий, звенящий от напряжения щебет, который будет нарастать, нарастать, пока не заполнит все пространство вокруг до самого полудня, потом, сморенная жарой, вся эта живность снова замолкнет. Он видит, как из стеклянной глубины всплывает черепаха, высунув черную в желтую крапинку головку, открывает рот, задержавшись ненадолго у борта, снова опускается в глубину, растворяется в ней.

Скорее всего, дадут от 25 до пожизненного. Ему сейчас двадцать пять, значит в пятьдесят выпустят. Еще можно будет жить. Но пока он будет там, он должен как-то научиться закрывать глаза и снова видеть все то, что видит сейчас наяву: этот розово-голубой купол неба, слившийся с водной гладью, эти кроны деревьев, камыши и кувшинки, черепах и стрекоз, девушку с ведром, идущую к своему дому на другом берегу, и себя самого в лодке в центре всей этой неопишимо прекрасной фигни. Этому можно научиться, Лиза принесет нужные книги, и он научится, времени много.

Июль-август 2020